

КРИЗИСЪ ПРОТЕСТАНТИЗМА ВЪ ГЕРМАНИИ

Много странного и даже чудовищного происходит въ современной Германиі — и не только на поверхности жизни, не только въ сферѣ внѣшней и внутренней политики. Ежедневная пресса, естественно, особенно внимательно слѣдить именно за этими внѣшними фактами, —тѣмъ болѣе, что они чреваты самыми серьезными и тяжкими потрясеніями во всей общеевропейской жизни. Однако при всей естественности этой остановки вниманія на внѣшнихъ фактахъ, имѣющихъ мѣсто въ современной Германиі, ихъ, конечно, совершенно недостаточно, чтобы вдумчиво оцѣнить тотъ болѣзненный переломъ, какой происходит въ духовномъ состояніи Германиі, чтобы взглядѣться въ глубокій и неожиданный кризисъ во всей нѣмецкой культурѣ. Даже при поверхностномъ вниманіи къ внутренней борьбѣ, идущей сейчасъ въ германскомъ духѣ, становится ясно, что въ приходѣ Гитлера къ власти нашло свое выраженіе не только соціально политическое броженіе, созданное тяготами Версальского договора, не только демагогически раздутая борьба съ еврействомъ и т. д.; но и рядъ сложнѣйшихъ процессовъ въ духовной жизни Германиі, нароставшихъ очень давно и нынѣ лишь нашедшихъ свое выраженіе. Было бы при этомъ огромной ошибкой останавливаться лишь на томъ, что носить на себѣ печать невыносимой часто вульгарности, отвратительного сервилизма. Проявлений этого есть сколько угодно, но, конечно, не въ нихъ однихъ дѣло, не въ нихъ внутренняя драма нѣмецкаго духа.

Среди разныхъ сторонъ этой драмы быть можетъ самое болѣзненное впечатлѣніе оставляетъ *религіозный кризисъ*, разразившійся съ чрезвычайной силой въ Германиі. Я имѣю въ виду, конечно, нѣмецкій протестантизмъ, — такъ какъ въ нѣмецкомъ католицизмѣ, хотя и онъ находится въ очень тяжкихъ условіяхъ въ Германиі, ничто не дрогнуло, не замѣтно никакого

внутренняго разложенія. Скорѣе наоборотъ, — всѣ безобразія нынѣшняго режима, его безсмысленныя преслѣдованія свободной церковной мысли пойдутъ лишь на пользу католицизму. Тотъ огромный подъемъ, который наблюдался въ нѣмецкомъ католицизмѣ послѣ войны, то огромное вліяніе, какое онъ сталъ приобрѣтать въ духовной жизни Германіи, наконецъ несомнѣнное, огромное притяженіе къ нему, какое стало сказываться всюду въ нѣмецкой жизни и культурѣ, все это затихло лишь вѣнѣне, а внутренно продолжаетъ свое дѣйствіе... Совсѣмъ иное надо сказать о нѣмецкомъ протестантизмѣ, который послѣ войны получилъ свободу отъ государства, въ которомъ развилась и усилилась вѣнѣнія активность, но въ которомъ именно послѣ войны усилились процессы распада. Съ одной стороны такъ наз. Hochkirchlische Bewegung (параллельное High Church въ англиканской Церкви) развило огромную критическую работу въ отношеніи къ разнымъ застарѣлымъ грѣхамъ нѣмецкаго протестантизма, — и какъ разъ на этомъ «фронтѣ» обнаружилась слабость и даже отсталость нѣмецкой религіозной мысли(*). Съ другой стороны процессы «обмирщенія» въ протестантизмѣ стали заходить такъ далеко, что на сцену выступили проявленія подлиннаго одичанія, зазвучали чисто языческіе мотивы. Кстати сказать, эти языческіе мотивы вовсе не тождественны всецѣло съ болѣе позднимъ націонализмомъ (въ духѣ Гитлера); недаромъ среди вождей такъ наз. Deutsche Glaubensbewegung (которое отчасти независимо отъ такъ наз. Deutsche Christen, отчасти сливаются съ его правымъ крыломъ) оказались такие люди, какъ Артуръ Древсъ (авторъ книги «Chrystusmythe») или гр. Ревентловъ, одинъ изъ главарей нѣмецкаго масонства. На фонѣ этого обмирщенія особую силу получило движение, связанное съ именемъ К. Барта; это движение, проникнутое глубокимъ религіознымъ чувствомъ, несло съ собой внутреннее обновленіе для протестантизма, но его вліяніе, очень сильное въ чисто религіозномъ «планѣ», не могло все же разрѣшить драму новѣйшаго протестантизма въ другихъ «планахъ», такъ какъ оно по существу было равнодушно къ проблемамъ исторіи и культуры. Между тѣмъ именно здѣсь и проходила самая уязвимая линія въ новѣйшемъ протестантизмѣ — его основная болѣзнь обуславливалаась не столько ослабленіемъ живого религіознаго опыта (хотя и это губило протестантскую церковь — и какъ разъ въ этой сфере бартіанство, съ его рѣзкимъ антипсихологизмомъ, было явленіемъ огромной положительной силы), сколько все большимъ «переключеніемъ» ре-

*) Чрезвычайно ярко это выражено въ книгѣ Нeileg'а «Im Ringen um die Kirche», см. также литературу по такъ называемому экуменическому движению.

лигіозного вдохновення, религіозної жизни на лінії культури. Отсюда перев'єсь філософії надъ богословіемъ, успѣхи раціонализма въ религіозномъ мышленіи, отсюда же сліяніе церковной мысли съ національными, соціальными и государственными движеніями. На почвѣ протестантизма никогда не была — и не можетъ быть — развита філософія культури, філософія історії; отсутствіе *религіозного* смысла въ исторії, въ культурѣ, при огромной напряженности исторического и культурного творчества въ новѣйшее время, естественно вело къ тому, что религіозное сознаніе все больше захватывалось этими процессами. Бартіанство, при всей его глубинѣ и вдохновенности, было въ этомъ отношеніи глубоко *реакціоннымъ* теченіемъ; еще глубже уводившимъ религіозное сознаніе отъ тревожныхъ проблемъ исторіи и культуры.

Какъ разъ вокругъ этихъ проблемъ и разыгралась вся драматическая исторія въ современномъ нѣмецкомъ протестантизмѣ. Приходъ Гитлера къ власти, а еще раньше — бурный ростъ національ-соціализма внесъ такое огромное разложение въ широкіе круги протестантизма, такъ замутить религіозное сознаніе, обнаружилъ такое оскудѣніе религіозной мысли, что можно говорить о тяжеломъ заболѣваній нѣмецкаго духа, о глубокомъ кризисѣ въ нѣмецкомъ протестантизмѣ. Сейчасъ еще трудно сказать, чѣмъ кончится эта внутренняя борьба, идущая въ немъ, — но если даже независимая христіанская мысль и побѣдить всѣ искушенія и соблазны въ нѣмецкой современности, все равно того, что произошло за послѣдніе два го-да — не зачеркнуть, не забыть...

Приведемъ нѣсколько основныхъ фактovъ. Нужно припомнить кое что еще изъ эпохи *до* прихода Гитлера ко власти — тамъ процессы шли, пожалуй, даже болѣе обнаженно. Успѣхъ національ-соціалистической партіи выдвинулъ на первый планъ національную проблему,— и тутъ выяснилось что передъ лицомъ этой проблемы протестантизмъ оказался безпомощенъ и нѣмъ: ему собственно *нечего* было сказать о религіозномъ смыслѣ національного бытія и оставалось просто вывести религіозную жизнь за скобки, остаться на лініи полнаго раздѣленія національной культуры и религіозной жизни. Это значило что въ распоряженіи протестантизма не оказалось *религіозныхъ* средствъ для преодолѣнія крайностей націонализма. Неудивительно, что нашлось не мало религіозныхъ людей, которые оказались въ плѣну этого націонализма; не только пасторы, но и цѣлые общини стали солидаризироваться съ національ-соціализмомъ. За чечевичную похлебку, — за то, что при этомъ объявлялось «священнымъ» національное начало, — продавали здѣсь свое христіанское первородство, но этого уже не замѣчали, быть можетъ не могли уже замѣтить... Любопытнымъ па-

мятникомъ этого ильна религіозной мысли, нѣкой одержимости религіозныхъ людей національнымъ самоутвержденіемъ могутъ служить два выпуска книги подъ названіемъ «Die Kirche und das dritte Reich». Оба выпуска вышли въ свѣтъ въ концѣ 1932 г. т. е. за полгода до «побѣды» Гитлера. Въ нихъ собраны мнѣнія и отзывы богослововъ, пасторовъ, общественныхъ дѣятелей по вопросу о взаимоотношениіи протестантской церкви и національ-соціалистического движенія. Гитлеръ еще не былъ тогда у власти, всѣ высказывались совершенно свободно — тѣмъ болѣе любопытно читать эти книги *теперь*. Я не буду здѣсь говорить подробно о содержаніи этихъ книгъ, чтобы не отвлекаться въ сторону, но долженъ указать, что та третья авторовъ (изъ 43 — 13), которые солидаризируются съ національ-соціализмомъ, выдвигаютъ въ качествѣ основного мотива, въ качествѣ богословскаго обоснованія ихъ позиціи принципъ священности и богоустановленности національного начала. Многіе изъ этихъ авторовъ отдѣляютъ тактику партіи (осуждая ее) отъ ея основного замысла объ утвержденіи національного начала во всей его цѣлостности (*Totalitat*), во всѣхъ сторонахъ исторической и культурной жизни. Надо еще указать что, признавая тѣ или иныя преувеличенія и крайности въ тактикѣ національ-соціалистовъ (все это было писано еще до прихода ихъ къ власти), эти авторы подчеркиваютъ невозможность, недопустимость равнодушія къ огромному національному движенію, ставить задачу «ввести его въ границы христіанскихъ принциповъ» и предостерегаютъ отъ того печального итога, который уже имѣлъ мѣсто въ Германіи, когда въ ней возникло большое движеніе въ рабочихъ массахъ, всецѣло использованное въ свое время «атеистическимъ марксизмомъ». Не трудно увидѣть за всѣмъ этимъ исканіе религіознаго выхода изъ того внѣисторизма, изъ того раздѣленія Церкви и міра, которое съ особенной силой проявилось въ протестантизмѣ. Въ томъ то и состоить внутренняя болѣзнь нѣмецкаго протестантизма (*), что онъ не можетъ религіозно обосновать и осмыслить историческое и культурно-творческое дѣйствованіе, которое оказывается стоящимъ въ основной христіанской темы, какъ ею живеть протестантизмъ. Отсюда надо объяснить то, что, передъ лицомъ яркаго и страстнаго національ-соціалистического движенія, протестантизмъ въ Германіи оказался безсильнымъ противопоставить чисто языческому обоготовленію государства христіанскую концепцію... Какъ только національ-соціалисты пришли ко власти, протестантизмъ въ Германіи дрогнулъ и до сихъ поръ

*) Въ иной формѣ эта же болѣзнь имѣеть мѣсто и въ американскомъ протестантизмѣ, где христіанство стало вырождаться не въ національномъ, а въ соціальный идеализмъ. См. книгу *Vissege T' Hoooff. Social Gasnel.*

почти не нашелъ въ себѣ — за немногими исключеніями — силы для вѣшняго и — что особенно важно — для внутренняго сопротивленія давленію со стороны націоналъ-соціалистической партіи. Съ приходомъ Гитлера ко власти всюду выдвинулись тѣ пасторы и церковные дѣятели, которые состояли уже членами нац.-соц. партіи, — а изъ среды тѣхъ, кто не вошелъ въ партію, не нашлось почти никого, кто бы мужественно отстаивалъ чисто христіанскую позицію. Большинство даже самыхъ достойныхъ дѣятелей протестантизма уклонились отъ всякой борьбы, отошли въ тѣнь, предоставивъ немногимъ смѣльчакамъ (во главѣ которыхъ оказался тотъ же К. Бартъ) бороться за чистоту христіанской истины. Когда пишутся эти строки, есть на лицо нѣкоторые симптомы того, что крайности Deutsche Christen будутъ постепенно смягчены подъ давленіемъ церковно-общественного мнѣнія, но увы — все это настолько слабо и ничтожно, что не можетъ ослабить трагического смысла того глубокаго кризиса, какой переживаетъ нѣмецкій протестантізмъ...

Еще до прихода Гитлера ко власти, рядъ пасторовъ и общественныхъ дѣятелей, входившихъ въ составъ націоналъ-соціалистической партіи, создалъ особую группу, усвоившую себѣ название «Deutsche Christen». Въ основу этой группы было положенъ принципъ объединенія христіанъ-нѣмцевъ, и следовательно отдѣленія отъ христіанъ, вышедшихъ изъ среды евреевъ. Уже въ самомъ началѣ здѣсь звучало два мотива — одинъ, получившій название «расизма» и состоявшій въ научно-нелѣпой теоріи о «чистотѣ» арійской расы путемъ исключенія и отдѣленія отъ еврейства; рядомъ съ этимъ принципомъ расизма (—антисемитизма) всѣ время звучалъ у Deutsche Christen иной мотивъ — принципъ «священнаго смысла» національного начала, подлежащаго охраненію во имя осуществленія задачъ, возложенныхъ на каждую націю Богомъ. Если первый принципъ былъ по существу не чѣмъ инымъ, какъ прямымъ антисемитизмомъ, то во второмъ было иное содержаніе — утвержденіе «органической цѣлостности народа», необходимости для государства быть «народнымъ», содѣйствовать раскрытию творческихъ силъ народа. Этотъ принципъ «цѣлостности» и «органической природы» народа, принципъ сліянія государства и націиставилъ другой вопросъ, чѣмъ первый принципъ антисемитизма — а именно, вопросъ объ органическомъ сліяніи Церкви и народа, о созданіи самозамкнутой, тоже «народно-цѣлостной», «органическихъ» ростущей изъ глубины народнаго духа церкви. Въ идеѣ «Deutsche Christen» на первомъ мѣстѣ стоитъ поэтому утвержденіе вѣрности нѣмецкому духу, а не вѣрности христіанству. Въ 24 §-ѣ партійной программы націоналъ-соціалистовъ читаемъ: «мы требуемъ свободы для всѣхъ

исповѣданій, поскольку они не вредятъ государству и не противорѣчатъ моральному сознанію германской расы». Высшимъ критеріемъ при оцѣнкѣ религіозной правды оказывается такимъ образомъ «моральное сознаніе германской расы».... Неудивительно, что въ группѣ Deutsche Christen удареніе стояло на первомъ, а не на второмъ словѣ.

Deutsche Christen являются сейчасъ наиболѣе сильной и въ количественномъ отношеніи и по своему церковно-политическому вліянію группой, — и всѣ надежды на то, что нѣмецкій протестантизмъ справится съ тяжкимъ испытаніемъ, постигшимъ его, связаны, въ сущности, лишь съ тѣмъ, что въ группѣ Deutsche Christen возьметъ верхъ вѣрность христіанству. Въ этомъ отношеніи положеніе небезнадежно, есть на лицо симптомы внутренней борьбы среди Deutsche Christen, но если даже окончательно побѣдить среди нихъ болѣе умѣренная группа, все же положеніе серьезно не улучшится.

Изъ группы Deutsche Christen очень рано выдѣлилась фигура пастора L. Müller'a, одного изъ личныхъ друзей Гитлера. Съ приходомъ Гитлера ко власти, Deutschen Chirsten, во главѣ съ Мюллеромъ, выдвинули требование объединенія всѣхъ (29) протестантскихъ церквей Германіи; въ соотвѣтствии съ этимъ Гитлеръ далъ Мюllerу особыя полномочія для того, чтобы провести въ жизнь это объединеніе. Это было началомъ вмѣшательства государства въ церковную жизнь, за которымъ послѣдовало нѣсколько аналогичныхъ актовъ на мѣстахъ. Опасность, нависшая надъ протестантскими церквами, стала на столько очевидной, что высшій церковный совѣтъ 29 Landeskirchen рѣшилъ взять въ свои руки инициативу по объединенію протестантскихъ церквей, съ наивной цѣлью выдѣливъ «комитетъ трехъ». (2 лютеранина, 1 реформаторъ), поручить ему выработать новое положеніе. Этотъ «комитетъ трехъ» вступилъ въ переговоры съ Л. Мюллеромъ и въ соотвѣтствии съ планами, намѣченными у Deutsche Christen, рѣшилъ объединить всѣ протестантскія церкви подъ руководствомъ одного главы, который долженъ быть носить званіе «имперского епископа». Хотя нѣкоторыя лютеранскія церкви имѣли и до этого своихъ «епископовъ», но всему нѣмецкому протестантизму и особенно реформатамъ была совершенно чужда идея епископата. Да и у группы Deutsche Christen идея «имперского епископа» была ни чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ принципа «вождизма» (*Führerthum*) въ церковный строй. Комитетъ трехъ принялъ все же рѣшеніе учредить должность «имперского епископа», но чтобы подчеркнуть чисто церковный смыслъ этого нововведенія, онъ намѣтилъ, въ качествѣ кандидата, одного изъ самыхъ выдающихся пасторовъ — Бодельшвинга, извѣстного своей замѣчательной работой въ Бетелѣ (учрежде-

ніє для эпилептиковъ и отсталыхъ), своей искренней и глубокой религіозностью. Личная чистота и высокій авторитетъ, какими пользовался Бодельшвингъ во всей Германіи, казалось, могли нейтрализовать политический характеръ реформы. Deutsche Christen, конечно, заволновались — выдвигая идею «имперского епископа», они вѣдь думали лишь о томъ, чтобы черезъ него проводить свои принципы, свой планъ «сліяння церкви съ народомъ». Бодельшвингъ быль, естественно для нихъ непріемлемъ; въ качествѣ ихъ кандидата на должность «имперского епископа» выдвигался все тотъ же Л. Мюллеръ. Комитетъ трехъ, учитывая всю трудность создавшагося положенія, рѣшилъ поспѣшить съ выборами имперского епископа и созвалъ съездъ всѣхъ протестантскихъ церквей (26-27 мая), на которомъ было утверждено положеніе объ имперскомъ епископѣ и официально быль провозглашенъ таковымъ Бодельшвингъ, немедленно же вступившій въ должность. Хотя выборы были произведены совершенно законно, хотя, по новой конституції, тогда (въ этой части) еще неотмѣненной, государственная власть не могла имѣть никакого отношенія ни къ измѣненіямъ въ церковномъ строѣ, ни тѣмъ болѣе къ выборамъ, — тѣмъ не менѣе Deutsche Christen подняли огромный шумъ и заявили въ тотъ же день протестъ противъ выборовъ, требуя (!) того, чтобы въ имперскіе епископы быль избранъ Л. Мюллеръ. Несмотря на то, что различные общины и учрежденія со всѣхъ сторонъ выражали вполнѣшее удовлетвореніе тѣмъ, что именно Бодельшвингъ быль избранъ въ имперскіе епископы, несмотря на то, что даже многіе мѣстныя организаціи Deutsche Christen были согласны съ выборами его, — по настоянію Deutsche Christen состоялось вмѣшательство государственной власти въ дѣла протестантской церкви. Оно выразилось въ назначеніи особаго комисара, которому были даны полномочія распустить всѣ церковныя учрежденія, назначить по мѣстамъ отъ себя особыхъ уполномоченныхъ. Всѣ эти насильственные мѣры сдѣлали невозможнымъ для Бодельшвинга выполненіе возложенныхъ на него задачъ, — онъ вынужденъ быль оставить должность имперского епископа. Со всѣхъ сторонъ стали поступать протесты противъ насильственныхъ дѣйствій властей, и это нѣсколько смутило власть, такъ что главный комиссаръ по церковнымъ дѣламъ нашелъ даже необходимымъ по радио обратиться къ нѣмецкому народу съ объясненіями того, почему власти должны были вмѣшаться въ жизнь церкви. Взваливая всю вину на церковное управление, которое «внесло раздоры» выборами Бодельшвинга въ имперскіе епископы (хотя всѣ эти «раздоры» заключались лишь въ томъ, что группа Deutsche Christen не добилась выбора въ епископы ея пастора L. Muller), комиссаръ торжественно заяв-

лялъ, что «въ дѣлѣ проповѣди» Церкви обезпечивается попрежнему полная свобода... Вообще выходило такъ, что власти вмѣщались въ церковныя дѣла ради блага самой же протестантской церкви; тутъ же проводилась мысль о необходимости связать церковную жизнь съ национальнымъ движеніемъ.

Подъ давленіемъ властей высшіе церковные круги уступили и въ началѣ августа на новомъ съѣздѣ въ имперскіе епископы былъ избранъ отвергнутый раньше L. Muller; изъ той же группы Deutsche Christen были избраны главные представители въ высшее церковное управление. Высшая церковная власть оказалась такимъ образомъ всецѣло въ рукахъ Deutsche Christen. Нашлось все же (хотя и немного) нѣсколько смѣльчаковъ, создавшихъ на съѣздѣ группу подъ названіемъ «Евангеліе и Церковь», которые заявили рѣшительный протестъ противъ всѣхъ этихъ выборовъ. Огласивъ этотъ протестъ, составленный въ очень энергичныхъ выраженіяхъ, группа эта покинула собраніе, на которомъ производились выборы.

Побѣда Deutsche Christen не смогла такимъ образомъ совершенно заглушить протестовъ противъ творившихся беззаконій. Хотя послѣ августовскихъ выборовъ государственная власть прямымъ образомъ уже не вмѣшивалась въ дѣла протестантской церкви, тѣмъ не менѣе борьба внутри протестантской Церкви вовсе не затихла, а наоборотъ вступила въ новую, быть можетъ даже болѣе острую стадію. Въ этой стадіи дѣло уже шло не о замѣщении тѣхъ или иныхъ должностей, — борьба всецѣло обратилась къ существеннымъ пунктамъ программы Deutsche Christen.

Борьбу эту съ особенной силой началъ известный богословъ Карлъ Бартъ, написавши очень яркую и сильную статью подъ названіемъ «Theologische Existenz heute» (появилась лѣтомъ въ журналѣ *Zwischen den Zeiten* и отдельной брошюре, разошедшейся въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ въ первые же дни; сейчасъ тиражъ этой брошюры достигъ, какъ намъ сообщаютъ, 30.000 экземпляровъ).

К. Бартъ рѣзко и рѣшительно протестуетъ не только противъ Deutsche Christen, но и противъ Jungreformatorsche Bewegung (изъ среды которого вышла упомянутая уже группа «Церковь и Евангеліе»), — въ своей оцѣнкѣ положенія протестантской Церкви въ Германіи онъ идетъ дальше простого отверженія нелѣпыхъ утвержденій Deutsche Christen. Не говоря уже объ отверженіи пресловутаго «арійского параграфа», которого онъ даже не хочетъ разбирать, въ виду его очевидной недопустимости, K. Bart видитъ въ Deutsche Christen признакъ такого страшного богословскаго одичанія (*Verwilderung*), такого паденія христіанскаго сознанія, что передъ нимъ встаетъ со всей силой вопросъ о томъ, насколько еще жива протестант-

ская Церковь. Къ попыткамъ государственной власти вмѣшаться въ дѣла Церкви Бартъ относится сравнительно даже спокойно, часто характеризуетъ его какъ «техническое насилие» (противопоставляя его внутреннему скудѣнію церковныхъ дѣятелей), съ глубокой однако горечью отмѣчаетъ онъ, что высшіе церковные дѣятели не только не оказали никакого сопротивленія правительственнымъ комиссарамъ, когда тѣ стали вмѣшиваться въ церковныя дѣла, но наоборотъ проявили чрезвычайную угодливость. Больше всего возмущенъ Бартъ тѣмъ, что высшее церковное управлѣніе нашло возможнымъ (еще до назначенія комиссара) *отъ имени Церкви* привѣтствовать новый строй и выразить ему свое сочувствіе. «Кто уполномочилъ этихъ людей высказывать политические взгляды *отъ имени Церкви?*» спрашиваетъ съ негодованіемъ Бартъ.

Ему чужда и вся затѣя съ избраніемъ имперскаго епископа. Въ этомъ вопросѣ, больно задѣвшемъ Барта, какъ реформата, онъ съ большой страстью высмѣиваетъ всѣ планы о созданіи въ лицѣ епископа «церковнаго вождя» — и въ этомъ пунктѣ для него оказываются одинаково чужды не только Deutsche Christen, но и Jungreform. Bewegung. Бартъ сурово осуждаетъ духъ компромисса въ этомъ послѣднемъ, его стремление поскорѣе достигнуть гражданскаго мира «какой угодно цѣнной». Въ затемненіи истинныхъ задачъ церкви, какъ хранительницы слова Божія, Бартъ обвиняетъ и Jungreform. Bewegung: свобода церковная нарушается, по мнѣнію Барта, не только тамъ, гдѣ государство «технически», т. е. чисто вѣнчанѣе оказываетъ давленіе на Церковь, но и тамъ, гдѣ отъ имени Церкви стремятся вмѣшать Церковь въ мірскія дѣла. К. Бартъ ставить при этомъ очень остро вопросъ о *смысли церковной свободы*, предвидя, что духъ компромисса быть можетъ окажется для протестантской Церкви гибельнѣе, чѣмъ движеніе Deutsche Christen, — такъ какъ явное насилие всегда менѣе опасно, чѣмъ незамѣтное искаженіе истины. Отъ первого можно уйти въ катакомбы (о чѣмъ прямо говоритъ Бартъ), но отъ второго надо ожидать глубокаго потрясенія въ самой основѣ Церкви...

Радикализмъ К. Барта, его смѣлая и вдохновенная защита церковной свободы, его настойчивое подчеркиваніе того, что Церковь не можетъ быть связана особенно тѣсно ни съ какимъ строемъ, что ея служеніе народу лишь затемняется тамъ, гдѣ Церковь переходитъ свои границы и сближается съ государствомъ, — все это несомнѣнно найдетъ отзвукъ во многихъ вѣрующихъ протестантахъ. К. Бартъ оказалъ огромную услугу нѣмецкому протестантизму своимъ горячимъ призываомъ блюсти свободу Церкви, своимъ смѣлымъ и твердымъ словомъ о преступности всякихъ покушеній государственной власти насиливать Церковь. Но если брошюра К. Барта,

какъ призывъ блюсти свободу, и найдетъ большой отзвукъ въ вѣрующихъ слояхъ, то нельзя все же отвергать и того, что она не выводить нѣмецкий протестантизмъ изъ того тупика, въ какомъ онъ пребываетъ. Понять это необходимо, чтобы разобраться въ томъ трудномъ духовномъ кризисѣ, который проходитъ сейчасъ Германія.

Но вернемся пока къ нѣкоторымъ существеннымъ фактамъ, характеризующимъ внутреннее броженіе въ нѣмецкомъ протестантизмѣ. Когда пишутся эти строки, есть нѣсколько данныхъ, чтобы ожидать побѣды умѣренной группы въ средѣ Deutsche Christen. Крайняя группа дошла въ своихъ стремленіяхъ къ церковному націонализму до полнаго отверженія Ветхаго Завѣта и даже до отверженія ученія о первородномъ грѣхѣ, до провозглашенія Гитлера носителемъ новаго божественного откровенія и т. д. Вожди и вдохновители этой крайней группы должны были однако оставить свои посты въ высшемъ церковномъ управлениі, а Л. Мюллеръ («имперскій епископъ») заявилъ даже недавно: «мы не являемся государственной церковью», оправдывался отъ упрековъ въ желаніи подчинить церковь государству и прервать церковное общеніе съ вѣрующими въ другихъ народахъ. «Борьба церковно-политическая кончилась, заявилъ онъ, — теперь начинается борьба за душу нашего народа».

Обольщаться этой побѣдой умѣренного теченія не приходится — вѣдь дѣло идетъ все же о группѣ Deutsche Christen. До какой степени затемнились въ вихрѣ событий основныя истины и самый духъ христіанства показываетъ сравненіе двухъ очень любопытныхъ документовъ, изданныхъ недавно богословскими факультетами Марбурга и Эрлангена. Къ обоимъ факультетамъ обратились церковные и общественные круги провинціи Hessen съ просьбой «официально и отвѣтственно выяснить, соединимъ ли Arienparagraf съ учениемъ Священнаго Писанія, съ сущностью таинствъ Крещенія и Евхаристіи, съ вселенскими символами, съ учениемъ реформаціи объ искупленіи черезъ Іисуса Христа, съ сущностью Церкви и ея канонами относительно пасторства». Очень жалко, что нельзя привести здѣсь оба документа, изготовленные двумя богословскими факультетами, съ достаточной полнотой (они слишкомъ длинны для этого). Скажу только, что Марбургскій богословскій факультетъ призналъ, «на основаніи точныхъ свидѣтельствъ Священнаго Писанія и всѣхъ другихъ матеріаловъ» Arien-Paragraf «решительно не соединимъ съ сущностью христіанской Церкви, какъ это опредѣляется единственно существеннымъ авторитетомъ Священнаго Писанія и исповѣданіемъ реформаціи». Къ опредѣленію Марбургскаго факультета присоединилось затѣмъ 20 виднѣйшихъ ученыхъ другихъ факульте-

товъ въ особой запискѣ подъ названіемъ «Новый Завѣтъ и ра-совыи вопросы». Среди подписей находимъ имена: Deismann, Boltmann, Jülicher, Jeremias, Heim, Lietzmann и др.

Если обратимся теперь къ документу, изданному Эрланген-скимъ богословскимъ факультетомъ, то найдемъ въ немъ нѣ-сколько иныхъ рѣчи. По основному вопросу здѣсь говорится: «Церковь, какъ таковая, не можетъ решать вопроса о томъ, допускать или не допускать христіанъ изъ евреевъ къ замѣще-нію должности пастора. Это связано всецѣло съ вопросомъ, слились ли съ нѣмецкимъ народомъ эти евреи или нѣтъ, — а обѣ этомъ судить не дѣло Церкви. Вообще вопросъ о взаимоот-ношеніяхъ нѣмецкаго и еврейскаго народовъ, какъ вопросъ біологическо-исторической, долженъ быть решенъ самимъ на-шимъ народомъ. Посколько же нашъ народъ видитъ въ евреяхъ чужой народъ, церковь не можетъ отвергать за государствомъ право вводить ограничения въ право занятія тѣхъ или иныхъ должностей въ отношеніи къ лицамъ еврейскаго или полуев-рейского происхожденія. Церковь наша призвана лишь къ то-му, чтобы стать народной церковью нѣмцевъ... Поэтому, ... въ нынѣшнихъ условіяхъ допущеніе къ пасторству христіанъ изъ евреевъ было бы огромной тяжестью для Церкви... Цер-ковь должна поэтому требовать устраненія своихъ членовъ изъ евреевъ отъ занятія должности пасторовъ... Чѣмъ, впро-чемъ, не устраняется и не ограничивается ихъ пребываніе въ нѣмецкой евангелической Церкви».

Я привелъ самыя важныя мѣста изъ этого примѣчатель-наго документа, подписанного известнымъ проф. Althaus (деканомъ богослов. факультета въ Эрлангенѣ). Если уже два факультета въ цѣломъ разошлись въ оцѣнкѣ Arienparagraf, чего дѣйствительно, надо ожидать отъ широкихъ круговъ вѣ-рующихъ?

Источникъ всѣхъ фальшивыхъ съ христіанской точки зрѣ-нія утвержденій Эрлагенскаго богословскаго факультета ле-житъ все въ томъ же пунктѣ — въ вопросѣ о взаимоотношеніи Церкви и народа (еще разъ подчеркну, что дѣло идетъ не о взаимоотношеніи Церкви и Государства. Высшее понятіе сей-часъ для нѣмецкаго сознанія — «народъ»: и государство и цер-ковь должны слиться съ народомъ...)

Радикальная позиція К. Барта отстаиваетъ свободу Церкви въ проповѣди Слова Божія и противится вся кому смѣщенію церковной правды и историческихъ и политическихъ началъ. Для К. Барта народъ и государство, какъ бы они ни строились, есть среда *toto generie* чуждая Церкви, — поэтому отъ имени Церкви можно лишь ограничивать государство, напоминая ему о вѣчной правдѣ, возвѣщенной Евангeliемъ, но по существу невозможно и недопустимо для Церкви солидаризоваться съ

какимъ бы то не было государственнымъ строемъ, недопустима идея «народной» Церкви. Все это, конечно, вѣрно, но въ этихъ формулировкахъ *разграничение* сферъ Церкви и народно-государственной жизни переходитъ въ такое ихъ *раздвижение*, при которомъ вся вообще исторія оказывается лишенной церковнаго смысла. Внѣисторизмъ вообще глубоко пронизываетъ исходныя основы протестантизма, отвергшаго Церковное преданіе и этимъ оторвавшаго Церковь отъ исторіи; то, что въ Церкви «исторично», то не связано вовсе съ ея вѣчной правдой, — а правда церковная не можетъ найти ни въ отдельномъ человѣкѣ, ни въ историческомъ процессѣ такой точки, гдѣ «естество» освящается и преображается. Если оставаться на этой позиціи, то это значитъ добровольно уйти отъ исторіи, уйти въ своеобразныя катакомбы, отречься отъ *силы освященія* и преображенія, данной Церкви. К. Бартъ, какъ и всѣ тѣ, кто раздѣляетъ эти положенія, подъ церковной свободой разумѣютъ свободу *отъ міра*, а не *для міра*. Кто читалъ *Römerbrief* Барта, это геніальное и въ то же время пронизанное рѣшительнымъ внѣисторизмомъ произведеніе, тотъ не долженъ удивляться, что въ бартіанствѣ не открывается для нѣмецкаго протестантизма никакого выхода изъ того тупика, въ которомъ онъ пребываетъ. Съ *протестомъ* Барта, съ его отрѣшеннымъ радикализмомъ и его обличеніями согласятся всѣ, въ комъ живъ христіанскій духъ, но нечего удивляться, что тѣ, въ комъ есть глубокая потребность религіознаго осмысленія историческаго и культурно творческаго дѣйствованія, не находятъ ни у Барта ни вообще въ протестантизмѣ отвѣта на эту потребность. Въ этомъ и заключается внутренній дефектъ протестантизма и нечего удивляться, что оно терпитъ нарушеніе въ данной области. Давленіе государственной власти потому и ускорило процессъ разложенія въ протестантизмѣ, что въ коренныхъ проблемахъ времени онъ остается нѣмымъ и беспомощнымъ. Чистота христіанской идеи Барта покупается за счетъ ея полноты, — а тамъ гдѣ идутъ навстрѣчу жизни, тамъ оказываются въ плѣну злобы вѣка сего и не въ состояніи преодолѣть элементарные соблазны буйствующаго национализма.

B. B. Зѣньковскій.